

ВИКТОР БИРЮЛИН

ЗОЛОТОЙ БЛЕСК ФОРЕЛИ

ЭССЕ

Саратов
2013 год

Виктор Владимирович Бирюлин родился в 1951 году. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Автор сборников литературно-критических статей, книг публицистики и эссе. Печатался в различных российских и зарубежных журналах, альманахах. Живет в городе Саратове.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В САДУ

Помни, мой друг, что оптимизм – это, прежде всего, аромат жизни.
Тонино Гуэрра

Мой сад – это моя личная территория счастья.

Поздравляю, душа моя! Зацвели сирень и вишня.

По дороге встретили красавца-удода: чёрно-белого, с высоким хохлом, длинным клювом, осмысленным и гордым взглядом.

В жизни всё просто. И чем проще, тем сложнее.

И розу можно превратить в колючую проволоку, если не любоваться её роскошными цветами, не обонять её тонкий аромат, а мять её стебель жадными руками.

Сирень, расцветая, начинает бледнеть, терять цвет, но запах её становится ярче, сильнее.

Над Волгой зависла огромная красная луна. Дачников ещё мало, обволакивает тишина. Потянуло свежестью и ароматом первых цветов.

Если слушать каждый день чирикание своего дворового воробья, то воробьём, конечно, не станешь, но человеческого в тебе прибавится.

Центр майского сада – распускающиеся бутоны старые яблони. А над всем царствует мальт с огромными белыми цветами.

Бордюрная травка, цветущая маленькими белыми цветами, широко и вольно вытянулась под мальтом, напоминая в сумерках млечный путь.

Оказывается, я уже не могу бегать и прыгать козлёнком. Просто не получается.

Вокруг цветущего мальта – жужжащий мешок из пчёл.

В зарослях за дачей щёлкают соловьи. Действительно, есть что-то колдовское в их завораживающих коленцах. Невольно задумываешься о свиданиях при луне.

Интересно, вот работают-служат люди в одном отделе, цехе или компании. Идёт между ними борьба, в том числе «подковёрная», за место поближе к начальству. Собираются группировки, коалиции-оппозиции. В результате «боевых действий» одни торжествуют, другие теряют покой и сон, кто-то и за сердце хватается.

Проходит время. Бывшие сослуживцы оказываются в других коллективах, в иных ситуациях, кто-то на пенсию вышел. И что они думают о прежней «борьбе», её участниках? Или ничего не думают, как не думают о прошлогодней листве?

Девиз людей: я как все! И это притом, что каждый человек индивидуален до мозга костей с момента своего зачатия.

И всё-таки в саду я по-прежнему наступаю на букашек.

От дачных соседей слева всё лето раздаётся то барабанный бой, то щёлканье воздушки, то «индейские» крики – у Артёма переходный возраст.

От мамы узнал, что умер Женька-рыжий, бывший сосед по подъезду. В школьные годы мы с ним гоняли по двору в футбол, бегали на стадион «Волга» болеть за заводские команды. Он был маленьким и подвижным, как ртуть. Потом стал машинистом, водил тепловозы. Болел. И вот умер.

Говорят, что хаос и распад являются сутью жизни. Но это не мешает мне обожать мой цветущий персик.

И муравей для кого-то Голиаф.

Ночью на веранду приходил чёрный кот. С начала дачного сезона, месяца два, он не заглядывал в мусорное ведро. Но стоило положить туда куриную косточку, и он тут как тут! Опрокинул ведро, застучал крышкой.

Некоторых граждан с избыточным общественным темпераментом не подпускают, по разным причинам, к официальным трибунам. Но они могли бы выступать в таком случае со своих балконов. В благодарных слушателях недостатка не было бы. И милиция-полиция не смогла бы им помешать – громко разговаривать в своих квартирах не запрещается, по крайней мере, до 23-х часов.

Больше всего люди хотят жить. Но делают всё для того, чтобы приблизить свою смерть.

Можно дожить до такой старости, что проснуться однажды утром и долго соображать: кто же я, мужчина или женщина? Бабушка жены так и спрашивала, проснувшись, у дочери: «Люба, а кто я?» Тёща и её сестра, рассказывая об этом, смеялись, а потом плакали.

Давно уже нет никого.

Я стучу топором, обрубая ветки, Артём выбивает дробь на «барабанах», у Петра Ивановича, соседа снизу, мяукает что-то Пресняков, недалеко визжит пилорама, у соседей справа кличут маленькую Танюшку, заботливо щебечут птицы возле гнёзд, Тошик небрежно облаивает прохожих, и ещё что-то звуковое висит в воздухе.

Под абрикосом, весь взъерошенный, трясогуз ухаживал за трясогузочкой – энергично ходил кругами, чертил землю крылом. Может, и ворковал, как голубь, но я на расстоянии не слышал.

В летнем саду после дождя воздух свеж до одурения.

Представим себе жизнь, текущую где-нибудь на краю ойкумены. Люди рождаются, страдают, любят, создают, умирают. На смену одним поколениям приходят другие. И никто об этом никому не расскажет. Вся эта яркая жизнь бесследно исчезнет. Есть в этом нечто в высшей степени щемящее!

На Театральной площади прямо передо мной упал с велосипедом в обнимку малыш – худенький, шустрый. Не плачет. Лежит плашмя.

– Помочь тебе?

– Я сам!

– Конечно, сам!

Но не стал вырываться из моих рук, спокойно принял помощь. И тут же к велосипеду: «Это мой велосипед!»

Мальчишке и трёх лет, наверное, нет, а характер у него уже вполне сформировался. Самостоятельный – не стал родителей звать. Стойкий – не заплакал. Встал на защиту своей собственности.

А день всё разгорался, теплел, и дошло до жаркого.

Внезапно налетел северный ветер и всё переменял. Стало просто холодно.

Под утро над садом пронеслось подобие потопа. Такого шквала дождя, ослепительных непрерывных молний, сотрясающих округу грозовых раскатов и ураганной силы ветра не припомнят даже старожилы здешних мест. Природа атаковала сад с редкой яростью.

И что? Несколько лишних яблок упало, несколько помидорных кустов накренилось.

После сильных ветров небо выглядит особенно голубым.

– Эх, друг! Твоей семье не нужны очередные раскаивания, слёзы и объяснения в любви. И жене, и дочери нужно одно – чтобы ты бросил пить и не мучил их больше.

Как правило, мы даже не догадываемся, чем же досаждаем другим.

Пока рабочие ставили памятник на могилу отца, мы с Ванюшкой сидели, смотрели по сторонам. Эта часть Увекского кладбища г. Саратова расположена в начале склона, обращенного слева на Крекинг (горящий факел, трубы, огромные ёмкости), а справа на Волгу – широкую, свободную.

Похороненные как бы перед выбором – «адам» (Крекингом с его огнём, шум от которого доносится до вершины горы) и «раем» – прекрасной рекой с островами, на которых многие лежащие здесь были когда-то счастливы.

Умирать не страшно. Страшно умереть.

Флоксы, оказывается, пахнут – тонко, дурманяще.

Гости попросили показать им жука-оленя. Нашёл на аморели парочку. Снял недовольно ворочающего лапами и рогами самца, показал гостям. Потом опять водрузил его на самку. Он тут же успокоился и занялся делом.

Баня вписалась как-то больше в мужской образ жизни. Хотя и женщины ходят в неё, болтают и там, парятся. И всё-таки мужики прибрали баньку к своим рукам. Почему? Им привычнее колоть дрова, с печкой возиться? Времени у них больше? Поэзии в душе?

Большие идеи в маленьких руках могут стать кошмаром.

Диктатура – власть негодяя. Демократия – власть негодяев.

Откуда берутся порядочные старики? Да из порядочных молодых людей, порядочных взрослых, пожилых людей. Больше неоткуда. Прожитые годы, сами по себе, порядочности не прибавляют.

Представим себе, что Адам и Ева не съели плода от дерева познания добра и зла.

У одних соседей возле забора вырос любисток ростом с библейское горчичное дерево.

Другие соседи принесли ёжика-сиротку. Тошик, обожаемая комнатная собачка, ревнует и бросается на него с неожиданным остервенением. Саша, хозяин, уговаривает его, просит не обижать махонькую колючую зверюшку.

Возвращение к земле является на удивление давним вопросом. Уже в Древней Греции писатели и общественные деятели выступали против урбанизации, ведущей к гибели первозданной природы. В древнееврейском государстве религиозные лидеры были против укрупнения городов, не желали менять шатёр Яхве на каменный храм. Всё это вело, по их мнению, к ослаблению народного духа.

Каждый из нас должен сам возделывать свой сад, говорил Вольтер. О естественном человеке размышлял Ж.-Ж. Руссо. О власти земли над крестьянином писал Г. Успенский.

«Фермеры... это основатели человеческой цивилизации», – говорил американский классик Дэниел Уэбстер.

Русский помещичий уклад, собственно, выпестовал нашу великую культуру. Ясная Поляна Толстого, «гнёзда» Пушкина, Тютчева, Чайковского, Баратынского, Бунина. О своём вишнёвом саде страстно мечтал Чехов, и он его рассадил в подмосковном Мелихове. Достоевский бредил своим земным углом.

Самые сокровенные страницы мировой литературы связаны зачастую именно с домом, землёй вокруг него, без них герои не смогли бы жить полнокровно. «Война и мир», «Вишнёвый сад», «Сага о Форсайтах», «Унесённые ветром», «Прощание с Матёрой». Список можно продолжать бесконечно.

Познание истины не меняет жизни. Но может изменить нас.

Допустим, человек всю жизнь строил дом, возвращал сад и умер с улыбкой на устах. А завтра началась война, и враг уничтожил все его труды, убил и его детей.

Деревья, как и люди, уходят, и как будто их не бывало.

Видел бело-серого кота – здорового и независимого: взглянул в нашу сторону и отвернулся, спокойно прошествовав своим путём.

Можно ли говорить о главном законе жизни на Земле и человеческой популяции в частности? Можно. Закон этот – продолжение своего рода. Все остальные законы способствуют ему или мешают.

На душе пасмурно, без солнышка. И утро – не холодное, но серое, с мелким дождиком.

Иду, подняв зонт, по проспекту.

И вдруг навстречу Мошников.

Как из другого мира человек!

Без зонта, посреди проспекта, борода светлая, лёгкая, сам какой-то светлый, лёгкий, устремлённый вперёд. Во взгляде что-то от князя Мышкина. Человек, который вряд ли кого обидит.

Я знаю, что он живёт небогато, но работает и работает, каждое лето организует выезды саратовских художников в Хвалынский на знаменитые пленэры.

Мы с ним поговорили накоротке об интервью для журнала «Общественное мнение». Как-то очень хорошо, по-деловому и глубоко. Приятно было услышать, что наша беседа в чём-то помогла его работе над иллюстрациями к Данте.

Душа моя посветлела, захотелось жить и здравствовать.

Портулак в саду становится неприлично красивым.

Общался с динозавриком (ящерицей). Он грелся на куче мелкого хвороста у навоза. Живо ворочал головой, разглядывая меня безо всякой боязни, хотя я брал лежащие рядом с ним дрова, шебаршил тем же хворостом. Встрепенулся и убрался вниз, когда я хворостинкой стал поглаживать его по спине.

На Земле гул стоит от обличителей. Они обличают всех и вся, кроме самих себя. Поэтому и толку нет.

Сажу за столом возле бани. Пью свежесваренный чай с клубникой, изюмом, курагой и сухарями. Жена копошится на веранде. Ждём младшего с последнего экзамена.

Передо мной расцветают бархотки, львиный зев и портулак. Над головой свисает налившаяся соком аморель. Впереди, за цветами, видны огурцы, помидоры, базилик.

Только что наблюдал битву жуков-олений на большом дубе «шотландского» холма. Более крупный самец согнал рвущегося наверх к соку и самке коллегу меньшего размера.

Трясогузки порхают, таская червячков под банную застреху, где у них гнездо. Чечётка упорно высидивает птенцов в гнезде прямо в углу веранды – в зарослях дикого винограда.

Подготовлю-ка печку и натоплю баню к Ванюшкиному приезду.

Татьяна, невестка, спросила:

– Кого снимать будете?

– Цветы.

– Лучше людей.

– Ну, цветы красивее.

– Так ведь любимых людей!

Чтобы понять российский менталитет, не надо читать много толстых книг. Достаточно оказаться с российским народом на перекрестке со светофором. Российский народ переходит дорогу не на зелёный свет, как это принято во всём цивилизованном мире, а на любой. Потому что российский народ не дорогу переходит – он просто идёт своей дорогой, не обращая лишнего внимания на светофоры и автомобили.

Грустная жизнь на Земле.

На обрыве встретили стадо коз во главе, как оказалось, с горским козлом, очень похожим чубом и бородой на ризеншнауцера, только белого. Конечно, если убрать растущие винтом вбок и назад рога. Пастух поначалу был против его фотографирования. «Сфотографируешь, а потом козёл пропадёт», – отвечал он Борису. Может быть, на такой вывод его наталкивал наш вид – мы шли корчевать пень для поделки и тащили с собой коляску, лопату и рюкзак, из которого торчали пила и топор.

Борис наблюдал, как паучок на кухонном стекле обрабатывал попавшую в его сети маленькую осу: спокойно, умело, смертельно.

Вот что значит поменять угол зрения: Россия была сырьевым придатком Запада, а теперь, вдруг, стала энергетической империей! Ай да Путин, ай да сукин сын...

В апрельский обеденный перерыв встретил сослуживца – человека задумчивого. Он шёл, никого, как всегда, не видя перед собой. Пришлось его остановить. Поговорили о солодовом хлебе, поулыбались друг другу. Когда расходились, заметил у него на груди божью коровку. Может, первая проснувшаяся и, конечно, сразу к такому, как мой сослуживец, на грудь.

Никто и ничто не решает проблем бытия. Они решаются сами собой.

Бог водит руками не только наших друзей, но и врагов.

Бывает, повезёт, набредёшь в жизни на человека, с которым чувствуешь себя комфортно. Назовёшь его приятелем. И заранее душу печалит мысль, что наступит время, когда с ним придётся расстаться.

Сценка в салоне троллейбуса.

Три старика и старушка менялись местами, шутили и смотрели друг на друга как-то по-свойски, по-доброму. Было очевидно, что у них разное социальное положение. Но вместе они выглядели неким островком среди других, более молодых пассажиров. На этом островке они чувствовали себя комфортно, им не надо было ничего объяснять друг другу.

Чудная ночь! Молодой месяц слева за дубами красуется, сверчковый хор старается, свежо и тихо. Вокруг сад родной, доверчивый.

Вычитал, что с библейских времён присутствие Бога подчёркивается безмятежной тишиной. Значит, Бог иногда посещает и мой сад. В полдень, дочитывая за баней книгу Захарии Ситчина «Колыбели цивилизаций», испытал минуты такой тишины, покоя.

Яблоки на зелёной траве не меньше чудо, чем яблоки на снегу.

Спокойнее, спокойнее, господа...

Целительная сила одиночества.

В какую бы сумасбродную авантюру мы ни пустились, нам всегда найдутся и спутник, и спутница. Но до конца с нами будет держаться женщина.

Ветка Мукузани стелется по кирпичной стене, ухватиться ей не за что. Но один усик пролез в точечную щёлку на стыке кирпичей, за что-то там уцепился и держит собой ветку.

У кустов смородины с созревшими ягодами тревожный вид. Ягоды не собраны, вдруг с ними что случится? Но вот ягоды собраны. И кусты успокоились. Они сделали своё дело. Вырастили урожай и сдали его. Теперь они свободны. Можно и осмотреться.

В начале августа Волга позеленела. Даже берег покрыло зелёной пастой из зацветшей воды.

И всё-таки трудно понять не голодного, а сытого человека, любующегося красавцем-оленом, а затем хладнокровно его убивающего.

Если вдруг узнаешь обо всём, что творится вокруг под знаменем зла, то завоюешь волком, и будешь выть им до самой смерти.

Как же хорошо одному гулять по саду, ухаживать за ним. Чувствуешь себя Адамом.

Вечером, перед тем как отнести с улицы противни с нарезанными яблоками для дальнейшей сушки на лоджию, стал их ворошить, чтобы избавиться от муравьёв. Одни и в самом деле поспешили за борт. Другим понадобилась подсказка – слегка подтолкнул их. Но некоторые явно не спешили, прятались. Пришлось их вышвырнуть. Кому-то досталось, кто-то и в муравьиный рай отправился.

На следующий вечер приготовился повторить процедуру. Но муравьи на этот раз очень шустро покинули противни. Как будто они точно знали, чем для них всё это может закончиться.

Муравьи действовали как сверхразумные существа. На подобные согласованные действия люди не способны – среди них всегда найдутся бестолковые или нерасторопные. Среди муравьёв таких не оказалось.

Пока комара не прихлопнешь, он будет жужжать.

Если Бог решит наказать нас, то найдёт, как это сделать. И не будет долго искать.

Прогуливаясь с Борисом по окрестностям, встретили в Красном Текстильщике старого рыбака. Он чинил кому-то сети. А рыбачить начал с 13 лет. И отец его рыбачил, и дед.

По его словам, Волга была настоящая, а не теперешнее перегороженное болото. Лодки – вёсельные, сети – нитяные. А план на рыбака – до 12 тонн в год! Но ведь и рыбы было... Балык делали не из белуги, а из жирнейшей белорыбицы до 20 килограммов весом.

Потом построили Волгоградскую ГЭС. Рыбу, которая осталась за плотиной вверх по Волге, постепенно выловили. Последнюю подчистили современными тралами.

Замечательный старик – физически крепкий, светлый умом, понимающий современные реалии: «У нас сейчас одна коррупция».

Зло обольстительно. Но когда оно свершится, человек всё равно окажется перед расщеренной пастью безжалостного змея.

Чтобы растормошить нас, подвинуть к добру, Бог может сделать нам и больно.

Животные тоже ведь смотрят на небо. Что они видят? Что значат для них облака, солнце, луна и звёзды?

Вечером случилась незапланированная баня. Заехал Ванюшка, а за ним Кирилл. Попарились, поговорили с нами за чаем. По очереди, уже затемно, и уехали.

Нам нравится цветок, но мы его срываем, потому что хотим подарить возлюбленной и сорвать за это желанный поцелуй.

Многие говорят о деньгах так, как, может быть, первые христиане говорили о Христе: с огнём в глазах и восторгом в голосе. Цивилизация упёрлась в деньги. И ни с места. Ни вперёд, ни в сторону. Пыхтит, разрушается, но – деньги, деньги, деньги!

Ванюшка отъехал на денёк в затерявшуюся деревушку своего друга Марата. И сразу столько впечатлений! Например, кот привёл домой кошку. Она не уходит, а он вокруг неё похаживает. Присматривается?

На художественной вечеринке познакомился со скульптором. Ему 65 лет. У него дача в Лесной Нееловке Базарнокарабулакского района Саратовской области. Он выращивает на ней, по его выражению, лесопарк и с помощью математических расчётов выводит, по его же словам, формулу счастья.

Уныние – грех, но Богом же данный человеку, пусть и на испытание. И нечего его чураться. Хотя и гордиться здесь тоже нечем.

Хочу на Марс!

В реанимацию путей много, а выход один. И тот не всегда открыт.

Одна боевая дама запальчиво бросила: «Страна гибнет, а вы о цветочках пишете!» Но страны гибнут не от цветов, а как раз потому, что о них забывают.

В очередном путешествии с Борисом по дачным окрестностям встретили приветливую девушку Нину с Гасаной – двухлетней ахалтекинкой. Нина не налюбуется на свою чудесную лошадку. И Гасана платит ей той же монетой – постоянно тянется к ней мордой, заигрывает, ласкается.

Кто такой ханурик? Оказывается, гибрид хорька с норкой. Очевидно, правильнее назвать его хонориком. Но велик и могуч... Да и по характеру этот небольшой пушистый зверёк похож именно на ханурика – вертлявый, куда-то всё сворачивающий и норовящий сбежать от хозяина.

Как бы так нажиться, чтобы не бояться смерти.

Вспоминаю ушедших старших коллег. Сколько страсти они вкладывали в отстаивание советских идеалов. Но вот их нет. На улице другая жизнь. Дети их по-другому думают-живут. Чего же они старались? Столько энергии, времени потеряли. А вот на цветы не успели всласть налюбоваться. И птиц вволю не наслушались.

Человек бессилен перед лицом природы. Слава Богу.

Эх, господа, да перестаньте же, наконец, подражать павлинам, распуская свои воробьиные перья!

Фокус в том, что как только мститель убивает палача, он тут же занимает его место.

Так и живём – по уши в грехах, но с мечтой о справедливости.

Новый дракон интереснее старого.

Становится не по себе, когда воображение рисует движение земного шара в Космосе. С огромной скоростью он летит в хаосе метеоритов и комет вокруг Солнца, вращаясь при этом вокруг собственной оси, которая в свою очередь постоянно меняет наклон...

Как-то в голову пришла идея экстравагантного фильма.

...Геи захватили-таки власть на Земле. И устроились на ней по-своему. На специальных женских фермах с помощью искусственного оплодотворения получали приплод. Мальчиков распределяли по «семьям». Девочек покрепче оставляли на фермах.

Однажды начинающий «осеменатор» влюбился в молодую красавицу, созревшую для оплодотворения. Вспыхнуло крепкое взаимное чувство. Узнав об этом, «отец», верховный гей, не в силах предать своего любимчика смерти, прогоняет влюблённых на край земли.

Одни среди дикой природы, они оказываются на положении Адама и Евы. С них начинается новое человечество.

Допустим, человек так научится управлять собой, что станет летать, ходить по воде. Тогда он станет ещё совершеннее убивать, красть, лгать.

Про другие народы не знаю, но мы, русские, владеем потрясающим умением искренне увериться сначала в одном, а потом в другом, пусть даже противоположном.

Обида жжёт нам душу до последнего вздоха.

Любая власть выглядит своего рода матрёшкой. За каждым начальником всегда стоит кто-то ещё, кто руководит его действиями. За этим вторым ещё кто-то и так до бесконечности. Тот, кто приводит в действие всю «вертикаль власти», всегда остаётся в непроницаемой глубине.

Наглый, дерзкий человек не только оскорбляет и унижает других. Он выявляет сильных, а главное, мужественных людей, способных дать отпор.

Глупые, смешные люди – живут нечестно, суетятся, забывают о душе и хотят при этом быть счастливыми.

Молодой и старый могут спорить бесконечно. Ведь аргументы первого – желания, а второго – опыт, преимущественно горький.

У маленького кулича ценою в хлебный лоток запах пасхи перебивается запахом денег.

Представим, что все люди стали масонами. Тут же среди них станут создаваться новые тайные общества.

Мы говорим в доказательство: об этом нигде не напечатано, не показано, не сказано, значит, этого нет. Так устроено наше мышление. Ведь для нас самый сильный человек – это чемпион мира. Почему-то мы не

допускаем, что самый сильный человек может просто не участвовать в организованных ради развлечения, денег и славы соревнованиях.

Тем более мы не допускаем, что люди, обладающие какой-либо ключевой тайной, не желают её обнародовать. Ведь всё тайное, не устаём повторять мы, становится явным. Но когда? И для кого? Совсем не обязательно, что при нашей жизни. И уж точно не для первого встречного.

Допустим, объявят у нас царя. Так народ побежит из «царства» не потому, что терпеть не может монархического правления, а потому, что знает – и эта, ещё одна, управленческая революция непременно закончится очередным истреблением его, народа.

Целыми днями слышно кукованье летающей между деревьев кукушки. Похоже, ей не удаётся пристроить яйцо в чужое гнездо. Вот и кукует: «Куда девать его?»

Ах, как же хочется побыть одному!

Пустой утренний пляж. Бабушка говорит внучке:

– Смотри, Ася, – маленькие рыбки в воде.

– Ах, какие они беззащитные!

– Это они, Асенька, беззащитные, пока маленькие. А вырастут – защитят себя.

Верующие люди жаждут чудес. Впрочем, неверующие жаждут того же.

Один человек жалуется другому на кого-то. И нет этому конца.

Разве Библия говорит правду?

Инопланетяне всех стран, объединяйтесь!

Господа, вы хотели крутой жизни? Вот она. Что же вы не рады?

Все озабочены продлением человеческой жизни. Ах, люди могут стать бессмертными! А зачем?

Сила веры.

Пожилая женщина на берегу Волги.

– Ну, как вода? Холоднее, чем вчера? Вчера ведь Илья-пророк был.

– Да нет, ещё теплее стала.

Женщина заходит в воду.

– Как же! Холоднее!

Как ни старайся не осуждать других, всё равно осудишь.

Я русский, что называется, до мозга костей. И вместе с тем, бывает, сожалею, что не родился где-нибудь в Лихтенштейне, Андорре, Монако или Люксембурге... Моей русской душе так не хватает порядка, справедливости, уюта, доступных возможностей для любимых занятий.

Маленькие страны, может быть, не рождают великих идей и людей. Зато маленькие страны дарят мир, тишину, понятную жизнь. А моей душе так надоели российские шипы за каждым углом и ухабы на всяком шагу. Она вся изранена, оббита.

Что мы знали? И знаем? Знали тоталитарную скукоженность, скудость во всём. Знаем демократическую разнузданность. Чем власть денег лучше постоянного окрика? Душу одинаково давит и то, и другое. И то, и другое рождает чудовищ.

Все эти повторяющиеся сцены насилия, заполонившего Землю, всё больше напоминают страницы романа Г. Уэллса «Машина времени», где подземные существа, люди вчерашнего, крадут по ночам и пожирают людей из будущего, похожих на эльфов, ещё способных бояться, но уже не способных защищаться.

Что нас ждёт? Сценариев много. Добавлю свой.

Когда человеческая цивилизация, погрязшая в разврате и «гуманизме», наконец-то рассыплется, выжившие люди вернутся к истокам. Они станут пасти скот на бескрайних пастбищах, вечером разжигать костры и подолгу смотреть на звёзды. К ним опять станут спускаться боги.

По легенде, одна из родоначальниц литературного модернизма американская писательница Гертруда Стайн, умирая, спросила: «В чём ответ?» Не получив ответа на свои предсмертные слова, она добавила: «Так в чём же тогда вопрос?»

Что возбуждает талант? Всё.

Увы, но можно верить в Бога и быть при этом негодяем.

Мы выиграли у немцев войну, а они у нас – мир.

Нужда – враг счастья. И нечего здесь мудрить.

Бог творил земной мир молча.

Люди рождаются без спроса. И умирают, не смея возразить.

Душой оркестра является дирижёр, то есть тот, кто не играет ни на одном инструменте, а только беззвучно разводит руками.

Ни с эволюции ничего не спросишь, ни с Бога. Кто на Земле прав? Кто виноват? Люди живут на Земле на свой страх и риск. И никому они по-настоящему не подотчётны.

Для большинства населяющих Землю существ человека по-прежнему не существует.

Зачем беспокоиться о будущем человечества? Оно известно.

Какая разница муравью, кто его раздавит – Джек Потрошитель или Иисус Христос?

Мы знаем о человеке, казалось бы, всё. Сколько он вдыхает и выдыхает в минуту. Сколько желчи выделяет его печень в течение года и сколько слёз выливается из глаз. Даже волосы на голове человека подсчитаны. Не говоря уже о том, какое количество он съедает картофеля, сахара, яблок, яиц, хлеба... Но мы даже предположить не можем, что сделает человек в следующее мгновение после того, как поздоровается с другим человеком, приветливо ему улыбнувшись.

И ещё идея фильма с голливудским размахом.

...Земная цивилизация клонится к упадку.

Толпы разряженных проституток показывают пальцами на редких беременных женщин.

Учёные делают оглушительные заявления: «Мы находимся в двух шагах от гарантированного воспроизводства людей искусственным методом и секретов человеческого бессмертия!!!»

Диктаторы окончательно поделили свои страны на секторы, в которых вся жизнь их обитателей просматривается с пулемётных вышек.

На заводах и в конторах «потеют» роботы.

Люди, свободные от чёрной работы, прожигают жизнь. Взгляд с высоты выхватывает повсеместные сцены пьянства, мордобоя, дикого разврата.

На деньги в открытую продают-покупают всё и вся.

Парады секс-меньшинств сменяют друг друга.

Террористы торжествуют: ядерное оружие в их руках!

Представители мафий собрались на легальную торжественно обставленную конференцию по дележу зон влияния.

Правители либеральных стран разводят руками и обвиняют друг друга в неспособности навести порядок.

Памятники истории и культуры приходят в упадок.

Охватившему цивилизацию бардаку пытаются противостоять земляне со здравым смыслом и чистой совестью.

Сохранившие веру представители разных конфессий молятся своим богам о снятии с человечества безумия.

Оставшиеся мужественные воины и полицейские изо всех сил стараются поддерживать порядок на улицах городов.

Немногие ответственные национальные лидеры встречаются, чтобы договориться о взаимных действиях по исправлению ситуации.

В отдалённых лесах и горах, на островах собираются люди, решившие вернуться к чистым истокам.

Наконец, замкнутая группа деятелей научной элиты решается пойти на крайние меры и создаёт оружие нравственного поражения. Исходящие из аппарата волны со скоростью света пройдут над земной поверхностью и убьют всякого, кто нарушает моральные устои. Людей порядочных волны пощадят.

Через ещё действующие каналы Организации Объединённых Наций до каждого человека доводится информация: аппарат будет включён ровно через сутки. Они даются для раскаяния. Людей, вступивших на путь исправления, «волны нравственного очищения» также не коснутся.

Время пошло.

Перед зрителями проходят картины ожидания Судного дня..

Участники клубной оргии предаются ей с ещё большим размахом.

Учёные растерянно смотрят на «колбы» с искусственными зародышами.

Честные стражи порядка облегчённо вытирают пот со лба, в их глазах засветилась надежда.

Церковные деятели возмущаются: «Разве люди вправе назначить Судный день?»

Их поддерживают правозащитники, разворачивающие транспарант: «Судный день=фашизм!»

Некоторые наркоманы, алкоголики, грабители и насильники разных мастей заранее оплакивают свою участь, не в силах побороть дурные пристрастия.

Другие «заблудшие овцы», напротив, воспрянули, чувствуя в себе силы к преображению.

Матери крепко обнимают детей, желая им спасения и надеясь через них очиститься от грехов.

Разворачивающаяся драма затрагивает всех землян – от бомжей до президентов. Каждый лихорадочно перебирает свою жизнь, очищая зёрна от плевел, надеясь, что последних гораздо меньше.

Но время неумолимо. Наступает рассвет. До начала Судного дня остаются минуты.

Наконец, в абсолютной тишине – цивилизация людей замерла – раздаётся обратный отсчёт: пять, четыре, три, два, один...

Первая моя баня с парилкой случилась в Богом забытой деревеньке Мещеряковке. Коля Перепёлкин, двоюродный брат Бориса, окатил нас, голышом выбравшихся из парилки, колодезной водой. Мы возлегли в предбаннике на лавки с лопухами, и я погрузился в нирвану.

Ещё студентами ездили с Ольгой в гости к Борису в Эстонию.

Маленький ухоженный городок Силламяэ, в котором он и сейчас живёт, поразил нас цветущим прямо у подъездов шиповником. Эта была пора советского благополучия в Прибалтике. В местных магазинах было «всё», а в российских – одни пустые полки.

Втроём поехали автобусом на пляж в Усть-Нарву. Шли к морю мимо европейского, как нам тогда казалось, вида особняков. Вокруг были сосны, всё было ухоженным, чистым.

Пляж был роскошный, песчаный. Но море холодное и мелкое у берега. Чтобы «отметиться», мы с Борисом долго бежали в глубь, прежде чем смогли нырнуть.

Потом ещё быстрее побежали обратно к берегу – двое загорелых, крепких русских парней. С берега нам махала рукой Ольга. Она была в чёрном купальнике, волнующе округлая, стройная, красивая.

Рождение Кирилла.

Я хотел только сына. В тот вечер рожали трое. Первые двое родили мальчиков. Ну, третья-то будет девочка! Но нет – свершилось чудо.

В калининском саду лежал как-то под кустом чёрной смородины и разглядывал синее бездонное небо. Почувствовал себя затерянным, случайным на Земле. Но душа этому чувству не воспротивилась, ей стало легко, спокойно.

Провожал в новогодние каникулы Ольгу с маленьким ещё Ванюшкой в Лысье Горы к тестю с тёщей, и сам увязался с ними.

Был вечер. Было белым-бело от снега. Нас поразила перевозданная тишина. Мы ещё немного поискали дом, побродили среди этой обморочной зимней тишины.

Старый шимпанзе выражал свою поддержку нуждавшимся в ней молодым самцам непередаваемо человеческим жестом – клал руку на плечо, держась сбоку и немного сзади.

Довела до слёз мелодрама «Осень в Нью-Йорке». Умирает девушка, само совершенство, несмотря на отчаянные усилия возлюбленного. Но разве назовёшь её несчастной? Ведь любовь, ощущение полноты жизни, которые она испытала, были яркими. Ярче не бывает.

Чем счастливее её миллионы долгожителей, даже рядом с такими чувствами не стоявшие?

В двух-трёх километрах от дороги над «плато» зависло несколько дельтапланеристов. Из-за расстояния их манёвры неразличимы. Они именно зависли в воздухе, покачивая огромными крыльями. Как древние птеродактили, высматривающие на земле добычу.

Если не торопиться, то постепенно, день за днём, вернее, эпизод за эпизодом можно вспомнить все прожитые годы.

Сфотографировал скромные гусиные лапки – первый цветок в саду. На компьютерном мониторе, увеличенный, он неожиданно приобрёл внеземной вид. Ярко-жёлтый, изящный, с двумя длинными узкими листьями-антеннами на фоне голой потрескавшейся планетной коры.

Большая Медведица смотрит из космической дали прямо на мой сад.

Когда лежишь под яблоней, то с удивлением замечаешь, насколько её срединные ветви устремлены прямо в небо. И при этом она создаёт плотную тень, крайние нижние ветви достают земли. Там и тут бросаются в глаза созревающие плоды. Они падают первобытно, без малейшего внимания к тому, что творится вокруг них.

Скворец важно и независимо прохаживается по дорожкам сада. Его не интересуют червяки и букашки. Он с недоумением посматривает на меня. В самом деле, зачем я здесь? Я оскорбляю его чувство собственного достоинства. Явно большее, чем у меня, хозяина дорожек, сада и скворечника.

В небольшой картонной коробке из-под конфет лежат в пакетиках семена более полусотни цветов. Ими можно засеять несколько садовых участков. От забора до забора.

Среди помидорных грядок неожиданно проклюнулся и подрост грецкий орех, посеянный пролетавшей вороной. Сразу не убрал, а теперь он имеет полное право на жизнь. Пересадил в подходящий уголок, может, оплатит добром.

Ольга, подруга Кирилла, наблюдала шмеля. Он залез в цветок и стал вытягивать сок, причмокивая по-человечески.

Скворцы быстро освоились в новом скворечнике. Выглядывают из дырки по-хозяйски, как люди из окошка. Скворчиха высиживает птенцов. Самец сидит на верхней ветке, зорко и серьёзно посматривая на нас. Стоит подойти к дубу, как он тут же начинает недовольно ворчать.

Соседская Танюшка с такой радостью встречает отца: «Папа приехал! Папа приехал!!» Наверное, так могут встречать только дочери, за что отцы их и любят-холят.

Нетяжёлая, в удовольствие, работа в саду, сбор первой клубники, горячий душ, лёгкий ужин из чая, той же клубники и творога, ворошение рукописей, чтение Шерлока Холмса на ночь, подъём не по будильнику, а когда выспишься...

Летний зной, растения оцепенели, а на аморели живое порханье, писк и щёлк кормящихся спелыми ягодами пичужек.

Когда приехал – бегал по саду, вдыхая его ароматы: «Господи, как хорошо, какая радость, какое счастье...»

Для меня река жизни, конечно, Волга, на берегу которой разбит мой сад. Ранней весной, впервые подъезжая к саду, жадным взглядом ловлю с высокого берега расстилающуюся водную гладь. Как она перезимовала под равнодушными льдами? И поздней осенью бросаю прощальный взгляд на необозримые водные просторы, меняющие цвет едва ли не каждое мгновение.

Иногда снятся «библейские» сны, которым не находишь объяснений.

Как-то приснились Адам и Ева в моём саду. Ева звала Адама к мальту, роскошно созревшему и уже осыпающему свои чудесные плоды на свежий зелёный ковёр. Оба прародителя были молоды, крепки и наги.

Адам с неловкой грацией примчался к Еве от кострища, в которое он подкладывал щепу для вечернего огня. Ева протянула ему отборный красный плод. Адам взял его и раскрыл рот, чтобы вкусить ароматную сочную мякоть. Из-под куста чёрной смородины за происходящим внимательно наблюдал змей, похожий на садового полоза.

Неожиданно на дорожке, ведущей от дачного дома к яблоням, появился Бог с дубовым пастушеским посохом – символом добродетели и справедливости. Разочарованным голосом Он спросил: «Разве ты так голоден, Адам, что, бросив все дела, примчался поесть яблок?»

Адам смущённо завертел мальтом в руках, тот выпал и погрузился в мягкую стелющуюся траву. Полоз исчез в соседнем саду.

В другой раз приснилась сцена у мангала, над которым ещё витали запахи жареного мяса. Только вместо моих сыновей возле мангала стояли Авель и Каин.

Они ругались, отчаянно жестикулируя. Вот Каин выхватил из-за пояса нож и замахнулся им на своего брата. Сверху раздался громовой голос: «Остановись, безумец!» Братья вскинули головы вверх, в глазах у них появился страх.

Нож в руках Каина неожиданно превратился в большую виноградную кисть («Это же мой Негруль!»). Ещё не осознавая, что делает, он протянул её Авелю.

Раздались аплодисменты, разбудившие меня, заснувшего в беседке напротив мангала. Я увидел смеющихся сыновей, колющих дрова для бани.

Однажды три часа просидел в сапожной будке старого ассирийца Бенедикта, или Бени, как звали его близкие. Хозяин рассказывал о войне, на которой он был юнгой, об отце, который учился в одном институте с Косыгиным и работал директором обувной фабрики. Военная контузия помешала его

собственной учёбе в медицинском институте. И тогда Беня выучился на мастера-обувщика, сел за обувные колодки и просидел за ними без малого полвека. Вокруг сапожной будки вертится весь его мир. Болезни, одиночество достают его. Но старый сапожник Беня не унывает, постукивает молоточком, шутит, помогает людям и не может с ними наговориться. Об одном жалеет, что умрёт, так и не узнав, откуда взялся Космос, как появились Земля и люди на ней?

Вчера в «Липках» наблюдал, как ворона, чтобы посмотреть, чем занимается её подруга на противоположной стороне полянки ландышей, несколько раз подпрыгнула, собираясь взлететь. Но, видно, решив, что крыльями махать ради такого случая будет уже перебором, вытянула шею и поднялась на цыпочки.

Бывает, в доме неожиданно гаснет свет. Где-то двинули рубильником, но с проводкой всё в порядке, и свет должны дать. Вот это ожидание света, когда знаешь, что он должен появиться сейчас, через мгновение, но сомнение всё-таки остаётся, переживаешь как ожидание маленького чуда. И вот свет вспыхивает – лампочки загораются! Всякий раз испытываешь при этом чувство особой радости. Жизнь пойдёт и дальше деловито, комфортно.

Приехал в уже осенний сад. Совсем недавно в нём текла налаженная отпускная жизнь. Приезжали гости. Сад благоухал нашими стараниями.

Сад и сейчас прекрасен, гостеприимен. Но он молчалив, ведь лучшая его пора осталась позади.

Зашемило в душе – вот так же, как я с ним, и Ванюшка, может быть, со своим сыном будут что-то мастерить на даче, есть за одним столом, философствовать. Как же это будет? О чём они будут говорить? В этом саду или другом?

А где буду я?

Зимой сад цепенеет, в нём устанавливается абсолютная тишина.

Новый ковчег

Представим себе погрузку огромного космического корабля будущего. Назовём его "Ковчегом", пусть он и по форме напоминает библейский ковчег. Корабль снаряжается для поисков подходящей планеты, чтобы основать колонию и, возможно, переселить на неё жителей Земли.

В корабль грузят "всей твари по паре". Члены экипажа подобраны из представителей различных рас, этнических групп. В Космос стартует как бы модель земного сообщества.

Тон в экспедиции задают "экологи", благодаря настойчивости которых она и состоялась – они убедили "сильных мира сего" в её необходимости перед лицом возможной катастрофы. При этом "экологам", ратующим за равноправное сотрудничество с природой, пришлось выдержать бой с партией "цивилизаторов". Последних вполне устраивала привычная погоня за "благами цивилизации" хотя бы и за счёт опустошения Земли.

Её всё чаще сотрясают природные катаклизмы – последствия как раз техногенного развития цивилизации. Всеобщая беда уже прямо предсказывается крупнейшими учёными, поэтами, мистиками, тибетскими мудрецами.

Отправление корабля ускоряется, добавляя остроты общему напряжению. Астронавты и их близкие, друзья расстаются навсегда, понимая, что уже никогда не увидят друг друга.

"Ковчег" стартует.

А на Земле вскоре происходит гибель человеческой цивилизации, которую очень быстро разрушают наводнения, ядерные взрывы, вирусы. Оставшиеся в живых жалкие кучки людей убегают в леса, горы, прячутся на островах. Потомки потеряют их навыки.

Между тем "Ковчег" причаливает то к одной, то к другой планете, но все они по разным причинам оказываются непригодными для жизни. Топливо и припасы наполовину израсходованы, принимается нелёгкое решение вернуться домой.

Но что ждёт экипаж на Земле, связь с которой неожиданно прервалась в начале полета "Ковчега" к звёздам?

А ждёт их очистившаяся, возродившаяся планета. Астронавты с изумлением смотрят на роскошные земные ландшафты, перед их восхищёнными взглядами раскинулся поистине Рай. Среди этого великолепия спокойно протекает жизнь "детей природы".

Астронавты задумываются – стоит ли вновь подвергать Землю испытаниям, не лучше ли "Ковчегу" раствориться в Космосе? Но он мягко опускается на родную почву. Выпускаются животные и птицы, рассеиваются семена.

Члены экипажа расходятся в разные стороны.